

Эрик ГЕРНЕТ

ДАНИИЛ ХАРМС В КРУГУ ДРУЗЕЙ НИНЫ ГЕРНЕТ

Писатели, сотрудничавшие в "Еже", журнале для школьников, — Хармс, Олейников, Шварц и другие, — решили, что младшим школьникам и дошкольникам нужен свой, особый журнал. И в 1930 году начал выходить "Чиж".

О редакции "Чижа" до сих пор ходят легенды: это был скорее литературный клуб, чем редакция журнала; здесь царил необыкновенный, невиданный ни в те годы, ни тем более в последующие, веселый и творческий атмосфера. Писатели, поэты, художники заходили на минутку — и оставались до вечера. Приносимые ими строчки, эскизы, наброски, смутные идеи тут же подхватывались, дополнялись и нещадно пародировались. Шутки, выдумки, розыгрыши возникали сами собой, как бы выпадали в осадок из пересыщенного ими раствора, и надо было только успевать выхватывать из потока идей то, что могло пригодиться для детского журнала.

Этим и занималась вся редакция, и в первую очередь, ее хозяйка, заведующая Нина Владимировна Гернет (1899-1982). На этом посту она находилась с 1932-го по 1937 год, и именно на этот период приходится существование в редакции той необыкновенной атмосферы, о которой вспоминали все, кому доводилось в нее окунуться.

Это, конечно, не случайное совпадение: Гернет была потомственной, в четвертом поколении, одесситкой, и на лету подхватывала любую шутку. Она очень любила детей, как никто понимала их и прекрасно знала, чем их увлечь и порадовать. И наконец, держась очень скромно в тени, она уверенно управляла этой, казалось бы, стихийной вольницей блестящих талантов, собиравшихся в редакции, подталкивая шутками, остроумными репликами их творчество в нужном для журнала и его маленьких читателей направлении. В немалой степени именно ей принадлежит заслуга создания в редакции той легендарной атмосферы.

Хозяйка она была строгая. Когда от Хармса срочно требовались стихи для подписей к рисункам, она записывала его в комнатке и не выпускала, пока он не выдавал то, что нужно. И в то же время среди дня она вдруг говорила: "Ну, отдохнем! Музыкальный антракт!". И начинались песни. Обычно Даниил Хармс, Эстер Паперная и она — это была у них, как говорила Эстер, "песенная платформа", — пели старинные, солдатские, матросские песни, шуточные. Эстер Соломоновна рассказывала мне, что очень многим песням их научил именно Даниил Иванович.

В круг близких друзей Нины Гернет входили, прежде всего, ее подруга Ксения Шнейдер (1900-1971) с дочерью Галей (потом писательница-музыковед Галина Левашева, 1924-1989), Лев Васильевич и Всеволод Васильевич Успенские, Эстер Паперная и — Даниил Хармс. Приходить к нам в дом он стал позже других, — когда мы переехали в мансарду на Петроградской стороне. Перед окнами была крыша, на которую чрезвычайно удобно было вылезать летом и беседовать на свежем воздухе, вдаль от ушей соседней.

Но первые мои встречи с Хармсом относятся к более раннему времени, еще дошкольным моим годам, когда в Доме писателя проводились детские утренники, и перед детьми выступали писатели и поэты.

Один из них — тогда я, конечно, не запомнил, но потом мне сказали, что это точно был Хармс, — сказал: "Я очень люблю немецкий язык, поэтому прочту вам стихи по-немецки. Но вы — умные дети и, надеюсь, поймете". И начал читать Чуковского: Жила-была мышка Мауси И вдруг увидела Котауси...

Для детей тогда все эти "глазауси" и "зубауси" звучали достаточно по-иностранным, а в то же время почему-то было понятно. Конечно, дети были страшно горды, что они такие умные, и можно было дома похвастаться: "Знаешь, мама, нам читали стихи по-немецки, а я все понял!". Такой розыгрыш — вполне в хармсовском духе — поднимает у детей самоуважение, укрепляет веру в себя, — а это для них очень важно.

Когда ходили друг к другу в гости, — а это тогда любили, и ходили часто и легко, — в этом кругу было принято делать какие-то сюрпризы: стихи или шараду, маленький подарочек, надпись на книжку, розыгрыш — ну хоть что-нибудь. Как-то была у мамы Ксения Шнейдер, и ожидали Хармса. Чем бы его удивить? (Вы же знаете, это было весьма нелегко!) А у него в одном из бесчисленных карманов френча хранилась серебряная, с эмалью, стопочка, из которой он иногда пил в гостях. И мама решила: составить этой стопочке компанию. У нее был набор — шесть ножей и шесть вилок с красивыми рогами ручками, но размера просто страшного, гигантского — вдвое против обычных столовых приборов. Пользоваться ими нормальному человеку было невозможно. Так чем зря лежать, пусть нападают Хармса! Положили пару их, нож и вилку, на стол, и когда пришел Даниил Иванович, ему их подарили: "Пожалуйста, носите с собой!".

Хармс совершенно серьезно поблагодарил, воткнул эти чудовищные инструменты в какой-то из нагрудных карманов (как ни глубокий карман, те все равно торчали) и походил так минут двадцать. Потом сказал:

— Извините, Нина Владимировна, но я буду с ними ходить только к вам и к Ксении Николаевне, потому что вы их уже знаете. А другие могут подумать, что я людоед!

И действительно, пару раз он приходил с этими ножом и вилкой в кармане.

Со временем от этого набора сохранилось в доме только два ножа, которые так и называются "хармсовскими".

В доме у Гернет музыкальных инструментов не было. Пели так, а *capella*. А у Шнейдер было пианино, потому что Галя занималась музыкой. И когда Хармс в первый раз пришел к нам домой, Галя выпустили продемонстрировать ее коронный музыкальный номер. Это была как бы сюита из детских стихотворений Маршака "Детки в клетке", которые Галя положила на взрослую музыку; там были мелодии из "Кармен", "Кукарача", марш Дунаевского,

го, шансонетка, революционный марш, блатная песня и т. п. Получалось очень смешно.

Галя дрожала (ведь Хармс!), но исполнила. Даниил Иванович, как всегда, не смеялся и сидел с мрачным, сугубо мрачным видом. Галя кончила, совсем побитая (не понравилось!), Хармс выдержал большую-большую паузу, потом произнес:

— Боже, как разнообразен Маршак!

В коммунальной квартире, где мы жили, наши комнаты были последними в конце длинного коридора. Для какой-то игры — в самолет, что ли, — я натянул вдоль коридора, как можно выше, крепкую нитку. Пришел Хармс, увидел нитку и тут же обыграл ее, сказав: "Я — троллейбус", зацепился ухом за нитку и так "проехал" по коридору до самой маминой комнаты. И потом, пока висела эта нитка, он и еще Всеволод Успенский (только им двоим она была по росту и к тому же по вкусу), приходя к нам, цепляли нитку ухом и ехали "троллейбусами" по коридору. Они и сами играли с удовольствием!

Как создаются мифы. Этот рассказ я записал на пленку для одного очень уважаемого мною хармсоведа. А через несколько лет с удивлением прочитал в его книге, что нитка стала наклонной, и бедному Хармсу пришлось нагибаться все ниже и ниже и войти в комнату вообще на четвереньках! Потом были извинения: "Редакторам показало так интересно, а я не проследил", — но книга-то уже вышла, и миф пошел гулять по свету.

Нина Владимировна этого бы не допустила. При съемках фильма "Пропал дракон" режиссеры так много изменили и насочинили отсбятини, что совершенно был искажен авторский замысел, погублена сама идея сценария. Несмотря на все требования, снято было все-таки не по авторскому, а по режиссерскому сценарию. Тогда Нина Владимировна настояла, чтобы было изменено название фильма и сняты имена авторов с титров: "Это не мое, и моего имени здесь быть не должно!".

Напротив, когда имя Хармса было опущено в списке авторов подписей под рисунками "Рассказов в картинках" Н.Э. Радлова, Нина Гернет разразилась потоком гневных писем во все инстанции — издательство, главу, Союз писателей, "Литературную газету"... Имя Хармса было восстановлено во всех последующих изданиях и в переводах на другие языки. Копии переписки подобного рода она сохраняла в папке с многозначительным заголовком: "Вот я вас!".

Хармс и сам создавал о себе мифы. Так, он говорил, что когда совершенно пьян, то не может произнести слово "фанданго", и получается "фангнада".

В "Чиже" было принято проверять материал, идущий в номер, на живых детях — в детском саду, школе, лагере, — чтобы посмотреть, как они реагируют на стихи, рисунки, что им интересно, что не очень. Ничего подобного, кажется, нигде больше не было; зато и журнала, подобного "Чижу", тоже не было. И вот на таком выезде — участвовали Хармс, Эстер Паперная и художник Борис Семенов — Хармс выходит к детям и спрашивает:

— Дети, а вы знаете, кто такая фанг-фан-гнада?

Паперная вспоминала потом, что Семенова чуть не хватил удар, он

весь согнулся, да и она недоумевала: когда это Хармс успел так написать? Дети закричали:

— Нет, не знаем! Не знаем!

— Ну, и я тоже не знаю, — спокойно сказал Даниил Иванович и стал читать стихи про хоряка. Это он просто мимоходом разыграл своих товарищей.

На каком-то заседании, когда уже тошно стало от скуки, по рукам пошла записка на листке из крошечной записной книжки Хармса: "Фангнада просится наружу. Преду-предил Хармс".

Об этой книжечке упоминали многие; там он записывал всякое, вроде: "Не будем ставить дошкольника носом во главу угла" или "Я отнес этот трепник "Красная Шапочка" в столярную мастерскую, но и там ничего не поняли".

Несколько таких листочков с записками Хармса сохранилось и в архиве Нины Гернет. И еще клочок бумаги побольше, с черновиком стихотворения "Молодец-испечец", написанного для мистификации редакции "Чижа", которую они с Ниной Гернет устроили вместе: она написала нарочито глупое письмо, а он сочинил к нему нарочито бездарные стихи. Об этом Нина Владимировна рассказывала на вечере памяти Хармса в Москве в 1976 году, и текст этого выступления, восстановленный по ее заметкам, напечатан в журнале "Нева" № 2 за 1988 год. Там же рассказано, как они с Хармсом в Петергофе (там было тогда что-то вроде Дома творчества) сочинили вдвоем целый номер "Чижа" — полностью пародийный.

Стихотворение Хармса "Из дома вышел человек", столь известное сейчас, появилось в первый раз в "Чиже" № 3 за 1937 год и принесло, как пишет Гернет, "детям много радости, а автору (и редакции) — большие неприятности".

Слова "И с той поры исчез" попали на глаза кому-то из начальства и вызвали его благородное негодование: "В советской стране человек исчезнуть не может!" (это в 1937-м!), и не только "нам долго нельзя было печатать стихов, написанных Д.И. Хармсом" (Гернет), но и редакция "Чижа" была разогнана, и сама Н.В. Гернет была снята с заведования (об этом она умолчала).

Потом эти стихи были напечатаны в книге "Даниил Хармс. Что это было?" ("Малыш", 1967), с открыто названными фамилиями авторов. В сравнительно недавние годы эти стихи как классические были включены в школьный учебник тиражом 4 миллиона экземпляров; Никитины положили их на музыку... А Гернет использовала их в своей последней большой пьесе "Принтипрам" — спектакле для детей по стихам Хармса.

Но — почему Хармс? Ведь она уже была признанным классиком кукольной драматургии с мировым именем, сочиняла пьесы на темы народных сказок — русских, европейских, восточных. И вдруг Хармс — это же совсем другой стиль!

Первую постановку "Принтипрама" еще при жизни писательницы осуществил Московский областной театр кукол. В письме завлиту этого театра Б.П. Голдовскому она как раз отвечает на этот вопрос.

"Почему мне было нужно и важно написать о Хармсе? Да потому, что он великодушный детский поэт, по моему, стоит рядом с Маршаком и Чуковским... Между тем, по моему

мнению, Хармс незаслуженно мало переиздается, и сегодняшние дети меньше знакомы с ним, чем с многими гораздо менее ценными поэтами. Этим мы обкрадываем детей, и я своим долгом считала подарить им Хармса. Многие ведь совсем не знают его!

Почему это необходимо — дать детям Хармса? Прежде всего — за его удивительные стихи. Они звенят металлом, предельно музыкальны, образны, а главное — поэтичны (далеко не во всех написанных для детей стихах есть поэзия, много просто рифмованной прозы) и запоминаются мгновенно и надолго, что тоже есть свойство талантливой поэзии.

Но Хармс при этом еще — поэт особенный, его не сравнить ни с каким другим (разве что есть некоторое родство между ним и Козьмой Прутковым). Он обладает особенно тонким, оригинальным, озорным чувством юмора и глубоким, безошибочным знанием детской психологии, а к этому еще — любовью к родному языку, которым он владеет безукоризненно.

Всею этому — и чувству юмора, и любви к слову, к народной речи — он учит своих (в нашем случае) зрителей. В книге Хармса "Что это было?" обратите внимание на цитату из статьи А. Бармина: "Для развития грамматических представлений ребенка одно стихотворение Хармса может дать больше, чем несколько сухих уроков".

Вместе с детьми Хармс смеется над глупостью, трусостью, жадностью, и желая вызвать в своих зрителях те или иные чувства, — попадает в цель безошибочно. Он понимает своего читателя, и тот отвечает ему беззаветным доверием. Восхищается изобретательностью Умной Маши, радуется выдумке "лечения" кошки — и все время находится под обаянием удивительной, звонкой, веселой поэзии, которую он унесет с собой, уйдя из театра. А если еще прибавить известную всем истину, что в кукольном театре ребенок впервые соприкасается с искусством, — то встреча его с искусством Хармса — счастливая встреча.

Хармс играет словами, как мячиком, и дети с беззаветной радостью играют с ним, и в игре этой рождается любовь и интерес к родному языку. Но не только этим ценны озорные стихи Хармса. Дети обожают всякие перевертыши, небылицы, словесные игры — это всем известно. А почему? Потому что они уже хорошо знают, что собаки не летают, как ястребы, что в забор провалиться нельзя и т. д. То, что они-то знают, а вот эти, на сцене, не знают, — повышает уважение детей к себе и своим знаниям, которыми они гордятся. Во "Вруне" они смеются и над выдумками Вруна, и над наивностью его опровергателей. Вместе с этим растет их уважение к знаниям вообще — как хорошо все знать правильно! А если к этому прибавить еще ту радость, которую дают эти игры, необыкновенные хармсовские ситуации, выдумки (в которых всегда незаметно, без всякой дидактики, живет педагогическое зерно), — воспитательное значение его поэзии трудно переоценить. Воспитание средствами игры и радости — ведь это прекрасно!"

Вот такая глубина понимания детской души роднит детскую поэзию Хармса с творчеством самой Нины Гернет.